

Г.В. АКОПОВ

ПСИХОЛОГИЯ СОЗНАНИЯ

**вопросы методологии, теории
и прикладных исследований**

**ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Гарник АКОПОВ

**Психология сознания. Вопросы
методологии, теории и
прикладных исследований**

«Когито-Центр»

2010

УДК 159.9.01
ББК 88

Акопов Г. В.

Психология сознания. Вопросы методологии, теории и прикладных исследований / Г. В. Акопов — «Когито-Центр», 2010

ISBN 978-5-9270-0178-1

В книге представлены современные изыскания в области психологии сознания, а также подходы, определяющие возможность консолидации традиционных и новейших знаний как при определении сознания, его классификации, выявлении его структурного многообразия, генезиса, при других научных построениях, так и в дополнительной к научной системе сфере знаний — исторической менталистике.

УДК 159.9.01

ББК 88

ISBN 978-5-9270-0178-1

© Акопов Г. В., 2010
© Когито-Центр, 2010

Содержание

Предисловие	5
Введение	6
Глава 1	13
1.1 Проблема сознания в российской психологии	16
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Акопов Г. В. Психология сознания. Вопросы методологии, теории и прикладных исследований

Предисловие

Настоящая книга является результатом существенного дополнения и структурной переработки ее первого и второго изданий (Проблема сознания в психологии. Отечественная платформа. – Самара, 2002; Проблема сознания в российской психологии.– М.: МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2004). Автор выражает признательность рецензентам первых изданий – А.Л. Журавлеву и В.Ф. Петренко, а также С.К. Бондыревой, чья решительная поддержка решила судьбу второго издания. Особая признательность В.В. Знакову и В.А. Кольцовой, чьи советы были весьма полезны при подготовке нового издания.

Неоценимая помощь в подготовке рукописи оказана сотрудницами факультета психологии ПГСГА А. Беркалиевой, Е. Бакшутовой и О. Засташковой.

Введение

Классическая и/или неклассическая психология сознания

Очарованные сознанием.

М. Велманс

Cogito... охраняет порог ценности.

Г. Марсель

Сегодня, к началу второго десятилетия нового века, тему сознания уже нельзя отнести к заброшенным или некультивируемым «почвам» психологии, как это было всего лишь 30–40 лет назад. Обусловленный целым рядом факторов всплеск интереса к проблеме сознания породил лавинообразный рост продукции самого разного типа и жанра. В связи с колоссальным многообразием исследовательских материалов по теме сознания в качестве характеристики этого изобилия можно использовать оксюморонное словосочетание – структурированный хаос¹. О полифонии авторских голосов пока говорить сложно, разве что о «двуголосом слове» (М.М. Бахтин).

Тем не менее «возделывание» уже идет из многих «полюсов» и во многих направлениях. Оно очень важно и тем более необходимо, что рано или поздно культура исследований сознания переходит в культуру осознания в любой прикладной плоскости современной жизни и в самой важной – экзистенциальной. Каждое новое «слово» увеличивает как количество возможностей объяснения сознания, так и многообразие измерений сознания, подтверждая известный тезис о неисчерпаемости, но уже в отношении сознания.

Промежуточным итогом поисков решения проблемы стало амплифицированное по сравнению с ранее существовавшим оформление предметного поля психологии сознания, а в междисциплинарном плане – нового направления интегрированных исследований – «Наука сознания».

Основной предмет научного анализа – сознание как интегративный феномен не только психологии и, возможно, не только человека как природного и общественного новообразования. В связи с этим сознание выводится за пределы произвольных ограничений частной темы в рамках общей психологии и в широкой совокупности теоретических взглядов, прикладных и эмпирических изысканий отечественных и зарубежных психологов различных направлений и школ обретает свою целостность и глубину.

В многообразии исследовательских подходов можно усмотреть пока «слабый» вектор движения от «культуры полезности» (утилитаризм, прагматизм) к культуре ценностей (этико-эстетический план).

«Новый взгляд» определил и поиск нового метода исследовательского анализа и конструирования целостного знания, а именно метода, обусловленного спецификой предмета – сознания, т.е. метода, фундирующего любое знание, представленное в форме научного поиска, в его ретро-, актуальной и транспективной проекциях (Клочко, 2008). Конструктивный диалог оказывается возможным при всей непроницаемости «концептуальных перегородок» (там же). Вместе с тем совершенно справедливо высказывание В.Е. Клочко о том, что «размыт совместно разделяемый контекст», обеспечивавший взаимодействие концепций, контекст, высту-

¹ В качестве иллюстрации см. материалы 12 конференций Ассоциации научного изучения сознания (ASSC) – <http://assc.caltech.edu/index.htm>, 9 туксонских конференций – <http://www.consciousness.arizona.edu/> и I Всероссийской конференции «Психология сознания: современное состояние и перспективы». 29 июня – 1 июля 2007 г., Самара, 2007.

павший «условием внутринаучной коммуникации» (там же). В этом плане очень важно не потерять общий язык коммуникации, т.е. совместно выработанный и прошедший испытание временем понятийный, категориальный аппарат. Хотя и здесь возможны разночтения. Можно только благодарить Н.Н. Вересова за скрупулезный анализ языка и новое прочтение однажды забытых или «ушедших» в андеграунд (А.В. Брушлинский), вновь обретенных работ Л.С. Выготского.

Сегодня, в постнеклассический период, на первый план выходит не абсолютизация и не конвенция знаний или согласованное мышление, а консолидация усилий по свободному осознанному (рефлексируемому) выбору регламента исканий и соответствующего дискурса. И если получен отклик (установлен контакт), то возможна и релевантная коммуникация с перспективой перерастания в научно-смысловое общение и метакоммуникацию различных исследовательских позиций.

Здесь особенно важен контекст именно со-знания, поэтому ценно и значимо любое высказывание «вооруженного» научным опытом носителя сознания о *сознании*. В основе метода – сопоставление и выстраивание огромной совокупности суждений, мнений, оценок и высказываний большого числа исследователей с определенным опытом изучения проблемы, а также научных контактов, коммуникации и общения, утвердивших в той или иной степени свободу мышления в формах осознанного выбора, творчества, созидания. Такое построение можно рассматривать как проявление «коммуникативной методологии» (Мазилев, 2003) или особый жанр – разновидность качественных методов, аналогичных нарративу определенного формата (научный текст) с параллельным или последующим метанарративным анализом. Конечно, каждая «нарратоединица» (утверждение) имеет свой контекст, генеалогию, логику, ценностные или личностные основания. Поэтому в таком своеобразном «пазл-конструировании» или интенционально регулируемой сборке (составлении) принципиально важна, помимо того или иного метанарративного основания, хронологическая совместимость «собираемых» текстов (топологическая «перекличка» текстов, мысленное «забегание» вперед или возвращение к истокам из актуального времени, т.е. все то, что можно назвать трансспективой по В.Е. Ключко – Ключко, 2008).

Как известно, один из главных признаков классического мышления – использование бинарных оппозиций; логические дихотомии являются «характерным признаком рационального классического мышления» (Асмолов, 2002). И это то, что мы часто встречаем в определениях сознания: общение и обобщение (системное и смысловое строение сознания) у Л.С. Выготского; знание и отношение у С.Л. Рубинштейна; значение и смысл у А.Н. Леонтьева; невербализированное и семантическое в концепции В.Ф. Петренко; логика и парадокс у В.М. Аллахвердова; запоминание и понимание у А.Ю. Агафонова; отражение-порождение в теории психологических систем В.Е. Ключко; сознание и бессознательное в метасистемной теории А.В. Карпова и др. К классическим построениям, на наш взгляд, можно отнести и «бидихотомические» объяснения сознания в концепциях В.П. Зинченко (бытийный – рефлексивный слой), а также А.Г. Асмолова и Ф.Е. Василюка (деятельность – общение, установка – отношение).

Соглашаясь с всесилием исходного двучленного разделения всего сущего (в конечном счете, *двоичный код* – в основе прогресса и «непостижимой эффективности» информационных технологий), вместе с тем замечаем неоднородность и многообразие оснований тех или иных дихотомий. Это, в частности, бинарности, раскрывающие содержание сознания или его строение, структуру или слои, исходное состояние или результат, состояние или процесс, источники (условия) или факторы и т.д. Можно ли говорить о рациональном выборе оснований и о том, сколько их может (должно) быть? Или это уже системный подход, т.е. не вполне классический.

Другая особенность заключается в том, что противопоставляемые члены дихотомических пар не вполне оппозиционны, т.е. не соединяют логических или даже диалектических противоположностей.

Таким образом, перечень означенных и иных возможных дихотомий не подпадает под определение формально-логической или диалектической классики. В связи с этим трудно согласиться с мнением, что «бинарные оппозиции утратили свой кредит» (Зинченко, 2006). Как замечает М.С. Гусельцева: «Жизнь, живое дает о себе знать в антиномии: это играющее противоречие есть свойство жизни, но оно не стало средством анализа в методологии, в науке» – и несколько ранее: «Игра противоположными установками дает исследовательскую глубину и полноту» (Гусельцева, 2009).

Но есть ли какая-либо польза от умножения дихотомий или они несут в себе исключительно ценностное основание возможности (свободы) мыслить и, следовательно, «существовать». По-видимому, есть логика в свободе мысленного оппозиционирования, и это логика поиска оснований, т.е. того, что иногда называют фундирующим знанием. Одной из таких «корневых» дихотомий, очевидно, является субстациональная оппозиция «Я – Другой», базовая основа которой как раз и заложена в культурно-исторической психологии Л.С. Выготского, отчетливые контуры которой тем более укрепляются, чем более мы «прячемся» за ширму виртуальности, пытаясь в поисках единомышленников отделиться от разделенного сознания двоих и многих. Исходя из этой фундаментальной для фило-, онтои актуалгенеза оппозиции можно понять, почему у Выготского исходными, определяющими сознание посылами выступают общение и обобщение; у Рубинштейна – знание и отношение (включая отношение другого к этому знанию, т.е. свое отношение через другого); у Леонтьева – значение и с(о)мысл(ь), не исключающая различие значений, и через различение – объединение, но уже усилий процесса (процедуры) толкования и т.д. и т.п. Можно предположить, что интуиция или откровение М. Бубера было вполне подготовлено «плечами гигантов» (К. Маркс), причем не исключен личностный характер (личностное знание) выражения (форма) содержания базовой дихотомии.

Другой корневой дихотомией, непосредственно сопряженной с первой, является оппозиция «объединение–разделение», обстоятельно исследованная В.И. Молчановым в варианте «различение—синтез» (идентификация) (Молчанов, 1992). Соединение выбранных оппозиций (Я – Другой, объединение–разделение) определяет, на наш взгляд, все многообразие сущего и мыслимого в самых широких пределах проявлений сознания.

Но почему только на пороге нового тысячелетия сознание становится вновь, как и в «мифические» времена мифологическое сознание, главной экзистенциальной силой, определяющей уже не каноническую (предустановленную), а свободную, независимую жизнь человека? Обретенная орудийность в жизнедеятельности человека диалектически снимается достижением высочайших технологических возможностей (в технике, биологии, медицине, информатике и т.д.) через проблематизацию персонального выбора, основанного на созерцании и взаимосвязи, взаимодействии с другими персонками. Обе интенции суть проявления сознания. Свободный выбор осознанного автономного выстраивания линии жизни – либо подчинение (принятие, встраивание, включение, растворение) в заданной или кем-то другим выстраиваемой системе социального функционирования.

Особый статус темы сознания в современной науке обусловлен также целым рядом определенных формальных обстоятельств. К первому из них можно отнести весьма значительный рост количества научных публикаций, включая монографические исследования, в последней четверти XX – начале XXI вв.; возникли тематически новые периодические издания как печатного, так и электронного характера по проблеме сознания (The Journal of Consciousness Studies; Consciousness and Cognition и др.). С 1990-х годов действует центр изучения сознания (Center

for consciousness studies. Tucson, Arizona) и Ассоциация (Association for the Scientific Studies of consciousness); проведено множество масштабных конференций по сознанию (Акопов, 2006).

Новый всплеск интереса ученых к проблеме сознания, значительно превосходящий все предыдущие, во многом объясняется переходом современного общества от фазы постиндустриальной к информационной, к новейшей философии, новой научной идеологии, идеям постмодернизма и др.; возникли такие новые интегрированные области знаний, как нейронаука, когнитивная наука, наука сознания.

В практическом плане следует констатировать все более активное и масштабное целенаправленное вмешательство человека в процессы физического, биологического и социального мира и не всегда отчетливое осознание долгосрочных последствий такого вмешательства. Этот «осознанный вектор движения» (Аллахвердов, 2003) весьма редко сопровождается столь же осознанным вектором «обратной связи».

В этом плане можно согласиться с тезисом А.В. Карпова о сензитивности проблемы сознания к крупным открытиям и достижениям, а также к новым подходам в науке, с этих позиций сознание раскрывается в новом свете (Карпов, 2007).

Другой характерной особенностью проблемы сознания является невозможность отнесения этой темы к какой-то одной области науки или к какому-то одному психологическому направлению, так как, включая в себя человеческое мышление, сознание включено в любую сферу активности и деятельности человека и так или иначе представлено во всех психологических платформах и направлениях – от бихевиоризма с его отрицанием сознания до гуманистической психологии с ее доведенной до предела, утилитарной установкой сознания.

Зарубежные исследования по проблеме сознания можно рассматривать в континууме от нейронаучных подходов изучения механизмов и коррелятов сознания до когнитивных подходов в описании видов функционирования сознания. К границам континуума примыкают попытки исследования сознания с использованием физических переменных (квантовые, волновые, молекулярные механизмы) и компьютерных программ по искусственному интеллекту. В объяснительных схемах зарубежных авторов встречаем как проявления крайнего биологизма (Searle, 1997; 2000), так и системного субстанционализма (Chalmers, 1996; 1997). В целом современное пространство изучения сознания может быть представлено в двух измерениях, складывающихся из «континуума» унитарных-междисциплинарных исследований, с их крайностями в формах феноменологизма (интроспекционизма) и физикализма; и утилитарно-ценностной шкалы с крайностями духовности и манипулятивизма.

В систематическом оформлении проблемы сознания можно выделить разные планы.

В *философско-психологическом плане* главная сложность состоит в определении сущностной характеристики сознания, так как оно традиционно стоит в бинарной оппозиции с материей и прямо или косвенно участвует в различных производных этой оппозиции: психическое – телесное, субъективное – объективное, индивидуальное – социальное, внутреннее – внешнее, закономерное – спонтанное, зависимое – автономное, необходимое – свободное и т.д. и т.п. В философско-методологическом плане наиболее интересные решения были определены еще В.М. Бехтеревым (объективистское преодоление онтологического дуализма посредством субстанционального объяснения сознания) и К. Ясперсом (агностицистское преодоление гносеологического дуализма посредством подчинения рационального мышления экзистенциальному мышлению – со зерканию). В классическом варианте можно говорить: а) о логической противоречивости так или иначе определяемого сознания (Аллахвердов, 2000) в силу его невыводимости из материи; б) о гносеологической незавершаемости, так как в силу рефлексивности оно не может быть наделено качеством полноты (включая геделевский вариант); в) об онтологической универсальности, так как сознание может оформлять любые проявления человеческой жизни (бытия) (Знаков, 2005). Неклассический и постнеклассический дискурсы существенно расширили горизонт и вместе с ним спектр проблем, не определив

при этом принципиальных решений с новых точек зрения. В то же время нарративный подход и социальный конструкционизм придали сознанию новое, *ценностное* измерение. В целом можно согласиться с мнением, высказанным еще С.Н. Трубецким, о том, что «противоречия отдельных философов относительно природы человеческого сознания имеют действительное основание в самом этом сознании» (цит. по: Мазиллов, 2007).

В *общепсихологическом плане* сознание наделено предельной широтой, оно включает все психические процессы, состояния и свойства, с одной стороны, и полную неконкретность проявлений – с другой (в учебной литературе по психологии, отечественной и в зарубежной, сознание определено несколькими предложениями).

Не менее удручающая картина предстает в *психолого-прикладном плане*: сознанию нет места во всевозможных отраслях психологии, за исключением психотерапии и отчасти патопсихологии. Вместе с тем весьма распространены словосочетания: экономическое сознание, политическое сознание, электоральное сознание, правовое сознание, нравственное сознание, профессиональное сознание, потребительское сознание и др.

Сложившееся положение высокой ангажированности и незначительной востребованности сознания в теоретических и прикладных работах нельзя признать случайным для существующей системы психологических знаний и практики, тем более что в целом ряде новых направлений отечественной психологии сознание «работает» не только как базовая категория, но и как отчетливо операционализируемое понятие. Это, в частности: психосемантическая концепция сознания, развиваемая В.Ф. Петренко как в теоретическом, так и в прикладных аспектах; психологика сознания как новый общепсихологический базис психологии, разрабатываемый научным коллективом под руководством В.М. Аллахвердова; масштабный цикл исследований В.В. Знакова по психологии понимания и самопонимания — важнейших проявлений сознания и бытия человека; новые исследования В.А. Лабунской по осознаваемым и неосознаваемым компонентам невербального выражения личности; уникальные исследования А.О. Прохорова по проблеме смысловой детерминации психических состояний; историко-психологический и наррадигмальный подходы В.А. Шкуратова, в частности, к проблеме связи диссоциации личности и генезиса сознания; когнитивная платформа Е.А. Сергиенко в исследованиях сознания в раннем онтогенезе человека; оригинальная концепция В.Е. Семёнова о полиментальных типах сознания в современном обществе и др. Из приведенного перечня ясно, что в большинстве случаев теоретико-прикладные исследования успешно развиваются, если затрагивается не весь категориальный объем сознания, а лишь определенная плоскость, ракурс – психосемантический, герменевтический, когнитивный и т.д. Более универсальные теоретические конструкции сознания (структурные подходы А.Н. Леонтьева, В.П. Зинченко, Ф.Е. Василюка) пока приносят меньше выходов в практику, в отличие от категориально «уплощенных» вариантов (психосемантика сознания, психологика сознания, полиментальность сознания и т.д.). Универсальные структуры – бытийный и рефлексивный слой сознания, биодинамическая и чувственная ткань, значение и смысл – в большей степени «обслуживают» сам конструкт сознания, нежели его выходы в практику. Да и в самом сознании доступным осознанию пока является то, на что оно направлено, но не сам механизм осознания.

Возможны ли иные концептуальные описания (универсальные структуры), которые были бы достаточно «прозрачны» как с точки зрения объектов, так и с точки зрения механизмов осознания?

Ввиду обсуждавшейся выше максимальной общности категории сознания предельно широкую форму выделения (различения) реальности (действительности или виртуальности) представляет дихотомия: *объединение – разъединение*. Мы предпочли более широкий вариант первого обозначения в этой паре – «контакт», допускающий также стадии предшествования, не обязательно влекущие к объединению; в отношении второго члена дихотомической пары в качестве синонимической замены был избран более узкий по значению термин «свобода».

Таким образом, дихотомия приобретает в большей степени антропный вид, а члены модифицированной пары – детерминирующий по динамике их сочетания характер, т.е. характер факторов. Следствием привлечения малоактивируемой в современной психологии категории «свобода» может стать, с одной стороны, отход от абсолютного детерминизма в концептуальных психологических построениях (отчего уже ушло современное естествознание), с другой – отход от абсолютного утилитаризма (адаптация, функциональность, рефлекторность, системность и т.д.). Психологической альтернативой утилитаризму (прагматизму) является ценностный и, в частности, нравственно-этический и эстетический подходы.

Обсуждаемая структура не противоречит классической (Зинченко, 1991). Бытийный слой сознания вполне «перекрывается» контактным взаимодействием соответствующих агентов «живого движения» и чувствительной сферы с релевантным окружением, а с учетом новых исследований Н.Д. Гордеевой (Гордеева, Зинченко, 2001) (обнаружение аналогов рефлексии даже в элементарных движениях и действиях) можно говорить и о более высоких уровнях контакта (коммуникация на основе содержания обратной связи, смысловое общение и взаимодействие). Рефлексивный слой по своей сути (не по составляющей) настолько свободен в проявлениях, что может рассматриваться как эквивалент свободы.

Семантическое пространство как операциональная модель сознания в концепции В.Ф. Петренко определяет универсальную область контакта, в то время как субъективность семантических систем определяется фактором свободы.

Целостность сознания в психологической модели, предложенной В.М. Аллахвердовым, сопоставима с контактом, в то время как обнаруженные автором парадоксы сознания есть несомненное проявление его (сознания) свободы.

Дефиниция ментальности как единства сознания людей в пространственно-временном измерении, несомненно, выводима из контакта, в то время как полиментальность (Семенов, 2005) определяется свободой людей в приобщении к тем или иным социальным группам в тех или иных условиях.

Что касается собственных операциональных ресурсов двухфакторной модели сознания, то каждый из факторов, в свою очередь, может рассматриваться в триадичной структуре: *контакт* – его отсутствие или наличие (по критерию обратной связи), коммуникация (по критерию передачи определенного информационного содержания), а также смысловое общение; *свобода* – возможность выбора; определение, нахождение субъективно новых целей (творчество); конструирование (воплощение в жизнь) объективно новых целей (созидание).

Каждый из факторов² рассматривается также в двух планах – внешнем и внутреннем. Проблематика и соотношение внешнего и внутреннего в методологическом и конкретно-методическом аспектах обстоятельно исследована в работах В.П. Зинченко, что позволяет с учетом рассмотренной выше трехкомпонентной структуры каждого из факторов (контакт, коммуникация, смысловое общение; выбор, творчество, созидание) и различных сочетаний компонентов выстраивать достаточно широкое поле конкретных проявлений сознания.

Эмпирическая проверка заданных теоретических положений осуществляется в прикладных исследованиях Т.В. Семёновой (концепт «городская ментальность»), В.В. Шаропова (этническое сознание), А.И. Белкина (граффити как выражение «квазикоммуникации» и «псевдосвободы»), А.Л. Плотниковой (развитие коммуникативных способностей в раннем детстве) и др., а также в модельных экспериментах с двойственными изображениями. Реверсивные фигуры изучались ранее в теоретическом контексте гештальт-психологии и в качестве аллюзии зрительного восприятия. В нашем случае соотносятся различные объяснительные

² Мы согласны с мнением Н.Н. Вересова, что более точным было бы обозначение обсуждаемой дихотомии не термином «фактор», а термином «источник» (Вересов, 2007), о чем со ссылкой на Д.Б. Эльконина пишет также А.Г. Асмолов (Асмолов, 2002). Однако сложность состоит в том, что контакт и свобода зачастую выступают и в качестве условий, т.е. социальных свобод или ограничений, детерминируемых деятельностью отдельных людей и сообществ.

модели перцептивной фиксации (тот или иной визуальный образ): модель классической реактивной регуляции перцептивной активности (вариации стимула, условия эксперимента и т.д.); модель активной (субъектной) регуляции (уровень субъектного включения, цели, планы, отношения, самоконтроль и др.); социально-психологическая модель взаимодействия экспериментатора и испытуемого; особенности психических процессов (внимание и др.), психических состояний и индивидуально-психологических характеристик испытуемого и т.д. Показателем бóльшей или мéньшей объяснительной возможности той или иной модели, включая двухфакторную модель сознания, избрана произвольность (устойчивость) регуляции фиксированного образа двойственного изображения (Акопов, Кукушкина, 2007).

Глава 1

Проблема сознания в современной психологии

Проблематика сознания должна оставаться в пространстве психологии. Оно ведь и само есть пространство, в котором должна находиться психология.

В.П. Зинченко

Можно предположить, что вполне условная временная граница смены веков и тысячелетий, обострив экзистенциальные переживания «человека разумного», активизирует и научный поиск *единых оснований* человеческой жизни. Таким единым основанием в последние десятилетия развития научной мысли как в отечественной, так и в зарубежной психологии предстают явления сознания, проблематика которого все более интенсивно и широко исследуется в целом комплексе естественных, гуманитарных и общественных наук.

Существующие в российской психологии научные подходы к решению проблемы сознания группируются в направлениях естественнонаучной и гуманитарной традиций. Пересмотр критериев научности (различные типы рациональности) в последние десятилетия с необходимостью подводит к мысли о ключевой роли понятия, форм, типов и других производных термина «сознание» в предупреждении или даже преодолении элементов паранауки, распространяемой в научном «обличье».

Современная психологическая практика неизбежно вовлекает теоретическую психологию в обсуждение экзистенциальных проблем, решение которых не может быть выработано вне категории сознания. Как представлена эта категория в отечественной психологии, в какой степени реализован тезис Л.С. Выготского о центральности этой категории для всей психологии, образуют ли учения о сознании отечественных психологов (С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, Б.Г. Ананьев, В.Н. Мясищев, К.А. Абульханова-Славская, В.П. Зинченко, А.Г. Асмолов, Ф.Е. Василюк, В.Ф. Петренко, В.М. Аллахвердов и др.) определенное единство, или это совершенно разнокачественные программы исследований сознания?

Значительная сумма идей, разрозненно представленных по времени распространности и разделенных теоретическими платформами, скрыта от широкого научного внимания, не описана в предметном поле сознания. Категория сознания несет в себе огромный объединительный потенциал для современной психологии. Важно вывести сознание из «латентного» состояния и осознать как научную проблему в новом содержательном и качественном объеме. Обсуждение проблемы на новом этапе развития науки дает возможность выявить в широкой системе психологических знаний новые значения и смыслы.

Связана ли смена научных парадигм с изменениями в социально-экономическом устройстве общества, или научная мысль развивается по своим законам независимо от установлений диалектического и исторического материализма, тех или иных положений экзистенциальной философии либо других философских учений и их интерпретаций в науке? Как бы мы ни ответили на этот вопрос, постсоветская действительность российской научной, в частности, психологической мысли демонстрирует синхронически совмещенные тенденции к *изменению* основополагающих характеристик отечественной психологии (В.М. Аллахвердов, Б.С. Братусь, Д.А. Леонтьев, А.В. Юревич и др.) и к *сохранению* сложившейся в предшествующие годы системы научного психологического знания (И.О. Александров и Н.Е. Максимова, В.А. Кольцова, Т.Д. Марцинковская, В.И. Моросанова и др.). В статье Е.Д. Хомской, положившей начало дискуссии, определены следующие этапы кризисов научной психологии и их основное содержание:

- объективная – субъективная психология;
- объясняющая – понимающая психология;
- редукционизм – дуализм в психологии;
- сциентизм – гуманизм (Хомская, 1997).

Известный отечественный психолог Я.А. Пономарев отмечал, что существуют различные типы психологического знания, обусловленные постоянно усложняющимися «типами социальной стимуляции» психологии; в соответствии с типом востребованности психологии выделяются три типа психологических знаний: созерцательно-объяснительный, эмпирический и действенно-преобразующий (Пономарев, 1983).

Б.С. Братусь выделяет три типа психологических знаний в зависимости от ориентации исследователя (философский, естественнонаучный и гуманитарный), определяющих «разные аспекты, углы рассмотрения, уровни психологической жизни» (Братусь, 2005).

Продолжая линию «различных аспектов реальности», Т.В. Зеленкова полагает, что в каждом таком случае может использоваться соответствующий язык (Зеленкова, 2007).

В этом контексте заметим, что производство и трансляция научных знаний как функция субъекта научной деятельности, являясь вполне сознательной, не тождественна функции *осознания* состояния научного знания (его системности, адекватности решаемым задачам и т.д.), т.е. функции субъекта научно-методологической деятельности (рефлексии), хотя и включаемой часто в первую из обозначенных функций.

Говоря о системе научных знаний, мы имеем в виду иерархическую взаимосвязь следующих основных научных конструкций:

- специальный язык (понятия и категории), позволяющий сократить время и уменьшить усилия по приему, переработке и передаче научной информации;
- методы получения и оформления новой информации;
- научное описание эмпирической фактологии;
- выявление (открытие) и подтверждение (доказательство) закономерностей и законов, устанавливающих определенные отношения и связи между отдельными фактами, их группами и системами;
- определение научных подходов, построение концепций и теорий, позволяющих вскрывать механизмы действия закономерностей и законов, обнаруживать новые факты, прогнозировать динамические явления и т.д.;
- конструирование научно обоснованных технологий (различные психопрактики), позволяющих вызывать целенаправленные изменения в объектах воздействия (Карицкий, 2002).

В связи с последним пунктом мы находим существенное отличие в системах научных знаний о живых и неживых объектах. Первые, в особенности наделенные психикой живые объекты, обладая изначальной активностью (предпосылки субъектности и субъективности), оказываются невероятно сложными в изучении, описании, систематизации и т.д. ввиду колоссального многообразия возможных форм, видов, уровней активности, а на определенных этапах жизни и ее изучения начинают оказывать определенное сопротивление исследовательским усилиям со стороны «постороннего» лица, «чужого» субъекта. В этих случаях обнаруживается феномен нетождественности (несоподчиненности) проявлений сознания субъекта исследовательской программы в отношении активного существа, принимающего или отвергающего (неявно) подобную активность, включающую, как известно, помимо операциональных и действительных компонентов, также деятельностные, обусловленные релевантной мотивацией (ценностями). В этом плане можно говорить о возможности феномена сознающего, но не осознающего (рефлексирующего) субъекта, и в этом случае (т.е. в случае принятия и субъектного

включения в ситуацию) во всей полноте встают вопросы зависимости активного существа от так или иначе воздействующего на него субъекта и доверия к нему, и ответственности осознающего субъекта. В конечном счете нерешенность данной проблемы инициирует вопрос общего доверия к психологическому знанию, о зависимости последователей (адептов) от научного авторитета и об ответственности ученого за корректность исследовательских процедур на каждом из приведенных выше этапов научного конструирования.

В связи с иерархичностью системы выстраивания научного знания особое значение приобретает работа над категориальным аппаратом. В отечественной психологии этой важной работе уделяли внимание такие авторы, как Б.Г. Ананьев, С.Л. Рубинштейн, А.В. Брушлинский, К.К. Платонов, Б.Ф. Ломов, А.Н. Леонтьев, А.В. Петровский, В.П. Зинченко, Ю.М. Забродин и др. В разные годы объем и содержание основных категорий менялись. Некоторые категории уходят на второй план (отражение, ассоциация и т.д.), другие оказываются более востребованными (личность, деятельность, общение). На наш взгляд, в актуальном психологическом поле вся современная психологическая проблематика сконцентрировалась на двух категориях, наиболее тесно взаимосвязанных со всеми другими. Это категории *субъекта* и *сознания*. Целый ряд изысканий, проведенных в институте психологии РАН в последние годы (К.А. Абульханова, А.В. Брушлинский, М.И. Воловикова, А.Л. Журавлев, В.В. Знаков, Е.А. Сергиенко и др.), определил новое содержание этих категорий и богатство их возможных применений как в теоретических, так и в прикладных, практических исследованиях.

Анализ различных подходов к определению и структуризации сознания может быть соотнесен с той или иной методологической установкой (междисциплинарная, унитарная, системная) и обнаруживает связь различных структурных схем сознания с двухфакторной моделью бесконечно развивающегося сознания: 1) фактор взаимосвязи и контакта индивида и окружающей среды, личности и общества, индивидуальности в реальных и потенциальных образованиях Я; 2) фактор инстаурации – творчества, созидания, выбора, свободы и ответственности в системе взаимодействий – контактов. Двухфакторный подход (контакты, их интенсивность и широта, коммуникация и смысловое общение; произвольность, уровень субъектной активности, устойчивость и многообразие избираемых объектов, форм и т.д.) позволяет наметить контуры целостной системы развития сознания.

1.1 Проблема сознания в российской психологии

Категория сознания, переживающая свое возрождение после пионерских работ В.Ф. Петренко по психосемантике сознания, не только определила новые точки роста отечественной психологии (В.М. Аллахвердов, В.П. Зинченко, О.В. Гордеева, Е.В. Субботский, Ю.М. Швалб, Н.Б. Шкопоров, Е.В. Улыбина и др.), но и позволила сформировать новую область научных исследований в США и Западной Европе (The Science of Consciousness).

Идеологической основой расширения интереса к проблеме сознания, несомненно, послужило также постсоветское «обновление» взгляда на методологию отечественной психологии, ее основные постулаты и принципы. Показательно, в частности, высказывание В.П. Зинченко в отношении незыблемого ранее принципа единства сознания и деятельности: во взаимодействии сознания и деятельности, единство – лишь момент, так как «сознание имеет большее число степеней свободы, чем деятельность, благодаря чему оно по отношению к ней может выполнять оценочные, рефлексивные, иницирующие или тормозящие функции». Это можно назвать принципом «асимметрии сознания и деятельности» (Зинченко, 2003).

Можно также согласиться с В.И. Молчановым, что вполне допустимая конструкция «сознание сознания деятельности» может и не быть «встроена в деятельность», если «в деятельности реализуется определенный тип сознания, определенное понимание сознания». Автор анализирует две концепции соотношения сознания и деятельности (встроенности сознания в деятельность и обусловленность сознания деятельностью), оставляя без внимания возможность инстаурации (конструирования, созидания, обогащения, самореализации, в частности эстетизации и т.д.) сознанием деятельности (Молчанов, 2007).

Сознание неотрывно от субъекта и не может существовать вне субъекта, в то же время формы проявлений *сознания субъекта* и *субъекта осознания* не тождественны. Факторами развития и проявления сознания в настоящей работе определены контакт (коммуникация, общение) и свобода (произвольность, творчество, созидание). Двухфакторная структура сознания обобщает и объясняет существующие описания функций, структуры, форм, видов и другие проявления сознания. Понятие психологической зависимости, в частности, можно определить как потерю (вынужденную утрату) тех или иных свобод ради сохранения хоть какого-то контакта (минимальной формы обратной связи) с другими людьми или с самим собой; в противоположность зависимости «доверие» можно определить как добровольное, а не вынужденное ограничение своих свобод в пользу сохранения и расширения контактов, их превращения в смысловую коммуникацию, а не просто обмен информацией; «ответственность» также связана с самоограничением свобод, но не столько в связи с необходимостью решения собственных проблем, как в случаях зависимости и доверия, сколько с направленностью субъекта на позитивное взаимодействие с другими людьми.

К унитарным концепциям сознания в противовес комплексному (междисциплинарному) подходу (Н.П. Антонов, В.П. Велихов, В.П. Зинченко, В.А. Лекторский, А.М. Иваницкий, П.Я. Гальперин, А.Р. Лурия, А.Г. Спиркин, Н.И. Чуприкова и др.) можно отнести подходы В.Ф. Петренко (психосемантика сознания), В.М. Аллахвердова (теоретические и эмпирические исследования сознания), М.М. Бахтина (критика положения о единстве сознания, полифонический подход к проблеме), В.И. Слободчикова и Е.И. Исаева (психологическая антропология сознания), В.А. Лефевра (рефлексивные структуры сознания), Ю.М. Швалба (целесолагающее сознание), Н.Б. Шкопорова (ноэтическая психология сознания) и др. Характерно, что даже такой выдающийся и последовательный представитель междисциплинарного исследования психики и сознания, как Е.Д. Хомская, отмечает плюсы «феноменологического уровня» изучения сознания (Хомская, 1999).

Комплексный подход при желании можно развести с системным подходом (В.А. Барбанщиков, Б.С. Братусь, А.С. Горбатенко, Б.Ф. Ломов и др.), а также дополнить идеей синергетизма. Однако все это пока мало приближает решение проблемы. Весьма любопытен в этом плане вывод, к которому приходят авторы оригинального экспериментального исследования мозговых механизмов, сопутствующих проявлениям сознания: «Никакие сенсорные характеристики образа не меняются от того, осознается он или не осознается» (Измайлов, Шехтер, Зимичев, 2001).

Определения сознания в отечественной психологии строятся через категории отражения (Б.В. Зейгарник, К.К. Платонов и др.), рефлексии (Е.А. Климов и др.), самосознания (В.В. Столин, И.И. Чеснокова и др.); посредством перечисления определенных признаков сознания (Ю.М. Орлов, Н.И. Чуприкова и др.) и интеграции психических новообразований (Л.И. Божович). Во множестве определений сознания отчасти отражено многообразие функций сознания: познание, отношение, целеполагание, регуляция и т.д. в сложной взаимосвязи субъекта (личности, Я) и окружающего предметно-социального мира. В существующих определениях сознания не всегда осуществляется соотнесение, разведение или конструирование новых дефиниций сознания, соответствующих логике комплексного (междисциплинарного) либо унитарного подходов.

Различные подходы к определению и описанию уровней сознания представлены в концепциях В.М. Бехтерева, Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, В.П. Зинченко, Ф.Е. Василюка и др. В последние годы определенное распространение находит концепция В.П. Зинченко. Ее схематизация осуществляется В.И. Слободчиковым и Е.И. Исаевым, а также И.В. Петриной, И.В. Тугушевым и С.В. Маньковой.

Вопросы специфики и взаимосвязи понятий «сознание» и «рефлексия» (А.В. Карпов) исследуются в комплексной парадигме (экологическое сознание, экономическое сознание, правовое сознание, политическое сознание и т.д., т.е. в явлениях контакта и свободы, в системах связи: «Я и природа», «Я и закон», «Я и политическое устройство общества» и др.), а также в рамках унитарного подхода (этническое, нравственное сознание), т.е. в явлениях контакта и свободы в системах «Я и другие», «Я в своей общности», «Я в себе».

Лингвистическая точка зрения (сознание существует исключительно в словесном материале и языке) амплифицирована в концепции множественности языков сознания, где язык рассматривается как любой способ намеренного обращения одного «существа» к другому (О.А. Донских, В.М. Розин, Д.М. Туллер и др.). Сравниваются контакты взаимодействия, сотрудничества и эмоциональные контакты как факторы развития речи и сознания (М.И. Лисина). Различаются наглядно-действенная, образная и словесная языковые составляющие сознания (А.Р. Лурия). Выделяются модальные (тактильные, обонятельные, вкусовые, зрительные и т.д.) и немодальные (пространство, время, социальные объекты) формы; семантика и взаимопроекция в концепте «семантическое единство субъективного мира» Е.Ю. Артемьевой.

Оппозиция унитарного и комплексного подходов в проблеме языка и сознания снимается семиотическим подходом: язык – любая система знаков (Ю.С. Степанов). В контексте сознания рассматриваются различные семиотические системы (Г. Фреге, А.А. Абрамян, Р. Якобсон, Н.Г. Салмина и др.).

Сознание в связи общением исследуется в работах А.А. Бодалева, А.А. Леонтьева, Б.Ф. Ломова, В.Н. Мясищева, Б.Д. Парыгина и др. Весьма важным является положение П.В. Симонова о коммуникативном происхождении сознания (Симонов, 1996). Уровневый подход в определении структуры общения позволяет выделить в качестве одной из образующих сознания фактор контакта (коммуникация, смысловое общение). Другая образующая в своей метабиологической (метафизиологической) характеристике восходит к понятию «свобода» (А.А. Балл, Е.И. Кузьмина, Д.А. Леонтьев и др.).

В онтогенетическом плане важной, но малоисследованной категорией общей и тем более возрастной психологии является понятие «детское сознание». Важнейшие перемены в сознании ребенка происходят на грани 6-летнего возраста, а именно переход от магического к естественнонаучному объяснению мира, разделение физического и психического и др. (Е.В. Субботский). Выявлена предметная специфика осознания в старшем дошкольном возрасте (Н.Г. Салмина). Исследовательское сознание в детском возрасте анализирует А.Н. Поддьяков. Особенности подросткового и юношеского сознания достаточно широко освещены в психологической литературе. Однако в отличие от проблемы развития психики в онтогенезе проблема развития сознания в онтогенезе мало концептуализирована после основополагающих работ Б.Г. Ананьева по этой проблеме. Крайне интересны новейшие теоретико-экспериментальные исследования Е.А. Сергиенко по когнитивному развитию в раннем детстве и концепция развития субъектности (Я), а также обзоры изучения модели психического (Theory of Mind) (Сергиенко, 1996, 2002).

Рассмотрение особых состояний сознания (В.Ф. Петренко, В.В. Кучеренко, О.В. Гордеева, В.В. Козлов и др.), расстройств и нарушений сознания позволяет лучше понять сам феномен человеческого сознания. С классической точки зрения (Б.В. Зейгарник), различные нарушения сознания рассматриваются как нарушения отдельных психических процессов, которые входят в многокомпонентную структуру сознания либо их комплексов, состояний и личностных проявлений этих состояний (нарушений). Другая точка зрения (Е.А. Климов) определяет нарушения как особенность ориентировки (во времени, месте, обстановке и т.д.), включая деперсонализацию и ложные восприятие и воспоминания. Структурный подход к проблеме нарушений сознания фиксирует гипертрофию в развитии той или иной образующей сознания. В русле структурного подхода психологические (унитарные) концепции нарушений сознания представлены в работах В.Н. Мясищева, Ф.Е. Василюка и др.

Таким образом, в процессе последовательного структурированного рассмотрения *сознание* выводится за пределы произвольных ограничений частной темы в рамках общей психологии и в широкой совокупности теоретических, прикладных и эмпирических изысканий отечественных психологов различных направлений и школ постреволюционной (после 1917 г.) эпохи обретает свою психологическую предметность, целостность и глубину.

В.М. Бехтерев и современные подходы к решению проблемы сознания

Более ста лет прошло после опубликования фундаментального труда В.М. Бехтерева «Психика и жизнь» (1903). Представленные в нем идеи, так же как и в более ранней психологической работе ученого «Сознание и его границы» (1888), носят новаторский характер и значительно опережают свое время. По своему замыслу уровневая структура сознания в концепции Бехтерева является не менее, если не более богатой, во всяком случае, сопоставимой со структурной концепцией самосознания У. Джемса. К сожалению, далеко не все выдвинутые Бехтеревым идеи получили продолжение в творчестве самого ученого и его последователей. И сегодня, как отмечают Б.Ф. Ломов, В.А. Кольцова, Е.И. Степанова, не раскрыто в должной мере конструктивное содержание идей Бехтерева, методологическая значимость многих выдвинутых им положений, ценность полученных конкретных фактов, остающихся актуальными для современной психологической теории и для решения практических задач (Ломов, Кольцова, Степанова, 1991).

Активный борец с субъективно-идеалистическими воззрениями, подвергший их острой критике в своем труде «Объективная психология», Бехтерев уже на ранних этапах своего творчества самоопределился как ученый естественнонаучной ориентации. Это с очевидностью просматривается и в его работе «Психика и жизнь», относящейся хронологически к периоду общей психобиологии, согласно периодизации творчества Бехтерева, предложенной Е.В. Лев-

ченко (Левченко, 1999). Отметим, однако, что мы согласны с точкой зрения Б.Ф. Ломова, В.А. Кольцовой и Е.И. Степановой, что развитие научных взглядов Бехтерева «неверно было бы представлять в виде некой линейной хронологической последовательности, на одном из отрезков которой предметом исследования ученого выступала бы одна из сторон целостного объекта, на другом – следующая и т.д. ... уникальность его состояла в том, что он был в состоянии одновременно подойти к исследуемому объекту и глубоко аналитически и в то же время комплексно охватить разные его стороны и уровни развития, выделить его существенные связи, имеющие место в целостном организме» (Ломов и др., 1991).

Многие ранние идеи и концептуальные построения Бехтерева не потеряли своего значения в современной отечественной психологии, переживающей очередной этап методологического переосмысления системы психологических знаний, вызванный сменой социально-экономических условий жизни постсоветского общества, и приобрели новое звучание в зарубежной, особенно американской, психологии, в которой в связи со все большим преодолением бихевиорального подхода и распространением когнитивизма обостряются дискуссии по психофизической проблеме и проблеме сознания.

Как отмечает Бехтерев, «несмотря на необыкновенную по своим размерам затрату умственного труда со стороны наиболее видных мыслителей старого и нового времени, вопрос об отношении духовного или психического начала к физическому не продвинулся вперед ни на один шаг. Мы и теперь, как тысячу лет назад, остаемся перед неразрешимыми загадками мира, что такое дух и материя и какое их взаимное отношение друг к другу? Ошибка всех вышеуказанных воззрений состоит именно в том, что ими отыскивалась умозрительным путем сущность вещей, между тем как истинное знание не заключается в отыскании сущности вещей, а в разъяснении соотношений между теми и другими явлениями» (Бехтерев, 1999, с. 38).

Спустя столетие о трудности исследования проблемы сознания в современной науке заявляет Д. Чалмерс: «Сознание упорно сопротивляется научным попыткам решения», а «некоторые исследователи приходят к выводу, что проблема не имеет решения» (Chalmers, 1995). Согласно Чалмерсу, ключевой вопрос проблемы сознания – это вопрос о том, почему информационные процессы различения, обобщения и т.д. не свободны от внутренней чувствительности (субъективного опыта, переживания, сознания). Отсутствие ответа обозначается как «объяснительный пробел» между функциями и опытом сознания. Отсюда делается вывод, что необходим «объяснительный мост», материалы для которого еще предстоит найти. Чалмерс убежден, что для раскрытия природы сознания нужен новый подход, ибо традиционные объяснительные схемы когнитивной науки и нейронауки для этого недостаточны.

Оценивая редукционистские схемы описания и объяснения явлений высокого уровня (сознания) в понятиях фундаментальных физических процессов, Чалмерс заключает, что они хорошо работают во многих областях научного знания, ибо то, что объясняется в этих областях, – это структуры и функции, т.е. явления такого рода, которые являются структурными компонентами физического устройства. Когда же редукционистские методы используются для объяснения «надструктурных» и «надфункциональных» образований, они обнаруживают свою беспомощность и бессилие. Исходя из этого, Чалмерс предлагает свой путь нередукционистского объяснения высших проявлений психики. По аналогии с физической наукой, в которой существует несколько базовых характеристик (масса, пространство, время), необъясняемых более простыми сущностями³, Чалмерс утверждает, что нередукционистская теория должна принять сознание в качестве фундаментальной характеристики не только известного ряда явлений – масса, заряд, пространство, время, но и всего окружающего мира в целом. Нередукционистская теория сознания оценивается им как направленная на обоснование принципа

³ Когда физикам не удавалось объяснить электромагнитные волны на основе законов механических явлений, они постулировали существование электромагнитных явлений как фундаментальной самостоятельной характеристики.

совместимости основных законов природы и тем самым открывающая новые возможности для объяснения сознания.

Конечно, признает Чалмерс, мы не получаем и в этом случае ответа на все вопросы, но это свойственно любой фундаментальной теории. Хотя физика до сих пор не нашла убедительного фактологического подтверждения первичности материи, это, однако, не рассматривается как аргумент против теории вещества, позволяющей объяснить все типы материальных явлений и показывающей, как они выводятся из базовых законов. Это положение может быть применено и для изучения и объяснения сознаваемого опыта, считает Чалмерс. Такая позиция определяется им как разновидность дуализма. Но эта, согласно Чалмерсу, «безвредная версия дуализма» всецело совместима с научным мировоззрением. Такой подход не противоречит физической теории; необходимо найти «соединительные принципы» для объяснения того, как сознание возникает из физических процессов. Нет в этой теории, по мнению автора, и ничего мистического, более того, она характеризуется как «естественный (научный) дуализм».

С этой точки зрения, теория сознания должна иметь больше общего с физической теорией, нежели с биологической. Биологические теории, согласно Чалмерсу, не содержат столь фундаментальных принципов, отличаются определенной комплексностью и вполне упорядочены. Физические же теории, располагая фундаментальными принципами, стремятся к простоте и элегантности, поэтому, как указывает Чалмерс, и теория сознания должна также отличаться простотой, элегантностью и красотой.

Подход Чалмерса, опирающийся на физические аналогии и кладущий в свою основу принципы «естественного (научного) дуализма», противоположен, как будет показано далее, биологическому монизму Бехтерева.

Биологизм концепции Бехтерева заключается в том, что жизнь и психика рассматриваются автором как «неразрывное целое». Психика определяется как «продукт огромного запаса энергии» организма (Бехтерев, 1999, с. 178), т.е. вопрос о ее природе ставится в тесную связь с вопросом о природе энергии и условиях, приводящих к ее особому напряжению (Бехтерев, 1999, с. 196). Не случайно А.В. Брушлинский и В.А. Кольцова отмечают важное место энергетической концепции в системе научных взглядов Бехтерева (Брушлинский, Кольцова, 1994). Монизм концепции Бехтерева заключается также в попытке обоснования единого универсального отношения источника движения (активности) в неживых и живых объектах с явлениями энергетизма. Как считает автор, «ни одно внешнее явление, ни одно тело в природе не могло бы существовать, если бы за ним не скрывался тот или иной вид энергии. Словом, все внешние тела и явления в природе суть проявления энергии, видоизменяющей среду». И далее: «Точно так же и все внутренние факты и явления, которые мы открываем в нас самих путем самонаблюдения, а равно и все сопутствующие им материальные изменения нервных центров обязаны своим происхождением скрывающейся за ними энергии» (Бехтерев, 1999, с. 61).

Анализируя с естественнонаучных позиций антиномию «монизм–дуализм» в отношении материи и духа (сознания), Бехтерев не принимает ни монистического спиритуализма (идеализм), ни вульгарно-материалистического объяснения психики. Автор разделяет позиции «монизма», утверждающего не противоположность или параллелизм материи и духа, а их единство (там же, с. 30). Материя и дух (душа и тело) рассматриваются как «два вида одного и того же факта, как субъективное и объективное проявление одного и того же процесса, как формы одного и того же вещества, которые нам кажутся другими только потому, что мы их познаем различно» (там же, с. 35). Предвосхищая Чалмерса, Бехтерев пишет: «... мы держимся также идеи параллелизма как научного факта, но признаем, что психическое и физическое суть два несоизмеримых между собой явления, не допускающих никаких непосредственных переходов одно в другое» (там же, с. 60). Это вынужденная позиция, связанная с тем, что «все попытки пойти дальше параллелизма в объяснении существующих соотношений между физическими и психическими явлениями наталкивались до сих пор на непреодолимые пре-

пятствия» (там же). Бехтерев считает, что физиологические процессы мозга и мысль «суть лишь две стороны одного и того же явления». Различие лишь в том, что «одно и то же явление рассматривается нами с двух различных точек зрения: с внутренней и внешней». Автор подтверждает свою точку зрения мнением Фехнера и примером существования текста на двух языках, «каждый из них представляет собой как бы подстрочный перевод другого...», и «мы не можем одновременно воспринимать и физическое и психическое как одно целое, а можем воспринимать его лишь поочередно с двух сторон – внутренней и внешней» (там же, с. 43–44). Бехтерев объясняет одновременность их протекания «одной общей, скрытой от нас причиной, которую мы пока условно назовем *скрытой* энергией», которая представляет собой не только физическую величину, но и содержит в себе психическое, как бы в потенциальном состоянии (там же, с. 61).

Вместе с тем Бехтерев призывает к осторожности в определении проблемы причинности психического, указывает на часто неверное толкование самого слова «причина». Анализируя положения: «Психическое порождается физическим», «Материальные процессы являются причиной психических процессов», «Психическое есть продукт деятельности мозга» и т.д. – он поясняет, что «постоянство соотношения между двумя явлениями еще не значит, что мы открыли причинное соотношение между обоими явлениями» (там же, с. 42).

Созвучное с бехтеревской биологической трактовкой понимание сознания представлено в работе Серла (Searl, 1997), хотя по ряду принципиальных позиций взгляды ученых расходятся. Отвергая в решении проблемы сознания как материализм, так и дуализм, Серл определяет его как качественно особый «естественный биологический феномен» (ibid., p. xiii). Поясняя свою позицию, он пишет:

«Мы не замечаем естественной, биологической характеристики сознания и других психических феноменов в связи с философской традицией, рассматривающей “психическое” и “физическое” как взаимно исключающие категории. Выход состоит в признании непригодности как дуализма, так и материализма и принятии сознания как “качественного”, субъективного “психического” феномена и в то же время естественной части физического мира» (ibid., p. xiv). Серл предельно последователен в своем мнении, считая, что «мы поймем сознание, когда определим в биологических деталях, как мозг производит его ... как нейробиологические процессы в мозге вызывают сознание» (ibid., p. xv). По сути, автор, несмотря на декларативное отрицание материализма, в определении сознания стоит на материалистических позициях. Причина такого рассогласования кроется, по-видимому, в специфике понимания им самого термина «материализм». Более того, Серл допускает, что сознание есть обычный биологический феномен, сопоставимый с произрастанием, пищеварением или секрецией желчи (ibid., p. 6), тем самым вставая на позиции биологического редукционизма. Следует отметить, что Бехтерев критически оценивал вульгарно-материалистические трактовки сознания.

Поясняя свое понимание природы сознания, Бехтерев отмечает, что «скрытая энергия при посредстве производимых ею субъективных образов дает возможность качественной оценки явлений внешнего мира по отношению к субъективным потребностям организма как проявлению той же скрытой энергии. В этом отношении субъективные показатели играют роль знаков, обозначающих пройденный энергией путь, что дает нам возможность субъективно оценивать значение явлений внешнего мира для организма и делать выбор между приятным, полезным и пригодным, с одной стороны, и неприятным, вредным и враждебным – с другой» (Бехтерев, 1999, с. 63).

Таким образом, согласно Бехтереву, «субъективное», или сознание как особый вид энергии («скрытая» энергия), выступает мостом, связывающим внутренний мир человека с окружающим его физическим миром. Энергия, скапливающаяся в организмах – преобразованная внешняя энергия природы (там же, с. 101). У высших животных носителем скрытой энер-

гии является нервная система, у низших животных – весь организм в его жизнедеятельности (там же, с. 74).

В своей работе Бехтерев использует понятие сознания в различных смыслах. Так, в частности, он пишет: «Если мы придадим ему (сознанию.— Г.А.) возможно широкое толкование и будем понимать под сознанием все то, что вызывает внутреннюю или субъективную реакцию как в форме самого элементарного и общего, т.е. недифференцированного самоощущения, так и в форме сложных внутренних состояний, открываемых в нас путем самоанализа и называемых нами представлениями, понятиями, суждениями и т.п., то мы, без сомнения, не можем отказать в элементарных проявлениях сознания в форме хотя бы общего недифференцированного самоощущения самым низшим из животных и даже растениям» (там же, с. 78). В столь же широком смысле Бехтерев определяет сознательность, состоящую «в личном или самостоятельном выборе движений. Если движение носит самостоятельный характер, т.е. не определяется ближайшими внешними воздействиями, иначе говоря, непосредственно не зависит от какого-либо внешнего воздействия, а обуславливается внутренними импульсами, возникающими в самом организме, то это доказывает присутствие психики в той или иной форме» (там же, с. 85). Однако понятие «сознание» используется Бехтеревым и в узком смысле слова. В контексте его энергетической концепции важное значение приобретают такие переменные, как величина (сила, уровень, напряжение и т.д.) энергии и внешние или внутренние препятствия. Препятствие к движению скрытой энергии рассматривается Бехтеревым как необходимое условие проявления сознательной деятельности (там же, с. 74). Как считает автор, «... сознание проявляется лишь в том случае, когда скрытая энергия центров достигает наибольшего напряжения... большее или меньшее напряжение скрытой энергии стоит, как надо думать, в прямой зависимости не только от силы внешних воздействий, но и от развития препятствий в нервной системе» (там же, с. 62). Конечно, Бехтерев был знаком с работами И.М. Сеченова.

В связи с поставленным Бехтеревым вопросом о «препятствиях» вызывает интерес «концепция барьеров», развиваемая Р.Х. Шакуровым. Он полагает, что «весь драматизм жизни, апофеоз психической активности, радости и трагедии, взлеты и падения – все они связаны с перипетиями процесса преодоления различных препятствий. Не ради отражения окружающего мира действуют люди, а ради преодоления сопротивления среды своими устремлениями». Согласно теории Р.Х. Шакурова, преодоление – «не только главная форма отношения индивида с миром, но и ведущий механизм становления личности. Невозможно стать человеком, не преодолевая внешние и внутренние барьеры» (Шакуров, 2003, с. 6). Барьер, обладая «энергетическим потенциалом, проявляющимся в ограничении какого-то движения», выступает тем самым причиной «динамизации психики» (там же, с. 12).

Определенное объяснение в энергетической концепции Бехтерева находит и противоположный сознанию полюс психики – бессознательное. Согласно Бехтереву, «высшая сознательная деятельность, развивающаяся лишь при особом напряжении скрытой энергии, возможна у высших животных лишь при существовании высших центров нервной системы, именно – головного мозга, тогда как в более низших организмах сравнительно элементарные субъективные явления обнаруживаются уже при действии скрытой энергии в низших центрах нервной системы, в простейших же организмах, лишенных нервной системы, имеющиеся зачатки субъективности, вероятно, совершенно неотделимы от жизненных процессов» (Бехтерев, 1999, с. 81). Таким образом, сознательное и бессознательное обусловлены филогенетически. В актуалгенезе «скрытая энергия охватывает собой не один только порядок сознательных явлений, но и бессознательные процессы психической деятельности» (там же, с. 62). Бехтерев описывает один из путей перехода сознательных процессов в бессознательные: «Каждый раз, когда какое-либо сложное движение, требующее от нас большего напряжения умственных сил, будет нами производиться достаточно часто, оно делается уже привычным для нас и, следовательно,

совершающимся без особого с нашей стороны напряжения. С этим облегчением движения скрытой энергии происходит и потухание сознания, от чего, впрочем, самый характер процесса нисколько не нарушается» (там же, с. 74). Здесь фактически описывается механизм автоматизации движения.

Таким образом, анализ работ Бехтерева показывает, что характерные черты его исследовательского подхода: естественнонаучная ориентированность, комплексный и системный подходы – нашли отражение не только в разработке отдельных прикладных научных или практических проблем физиологии, неврологии, медицины и т.д., но и в фундаментальных теоретических изысканиях ученого в области изучения психических явлений, начатых еще на первом этапе «анализа возможностей и ограничений субъективной психологии» и построения уровневой структуры сознания в «дорекфлексологический период научной деятельности» (Ломов и др., 1991).

Возрождение интереса к проблеме сознания, связанное с работами В.Ф. Петренко по психосемантике сознания, определяется новыми точками роста и развития отечественных исследований в этой области (В.М. Аллахвердов, В.П. Зинченко, О.В. Гордеева, Е.В. Субботский, Ю.М. Швалб, Н.Б. Шкопоров, Е.В. Улыбина и др.). В западноевропейской и американской психологии оформилась новая область научных исследований – наука сознания (The Science of Consciousness).

Современный анализ различных подходов к определению и структуризации сознания, включающий их соотнесение с той или иной методологической установкой (междисциплинарной или комплексной, унитарной, системной), обнаруживает связь различных структурных схем сознания с двухфакторной моделью безгранично развивающегося сознания: *фактор контакта* (коммуникации, смыслового общения) и *фактор свободы* (выбора, творчества) (Акопов, 2002а).

К унитарным концепциям сознания, т.е. исследованиям сознания, не привлекающим понятийный, фактологический, теоретический материал смежных и других непсихологических дисциплин (в противовес междисциплинарным: Н.П. Антонов, В.П. Велихов, В.П. Зинченко, В.А. Лекторский, П.Я. Гальперин, А.Р. Лурия, А.Г. Спиркин, Н.И. Чуприкова и др.), можно отнести подходы В.М. Аллахвердова (теоретические и эмпирические исследования сознания), М.М. Бахтина (критика положения о единстве сознания, полифонический подход к проблеме), А.В. Карпова (рефлексивное сознание), В.Ф. Петренко (психосемантика сознания), Ю.М. Швалба (изучение целепологающего сознания), А.Ю. Агафонова (смысловое сознание) и др. Традиционный комплексный подход, объединяющий внутриспсихологическое комплексирование (по отраслям психологии) с междисциплинарным, достаточно успешно вытесняется системным (полисистемным) подходом (В.А. Барабанщиков, Б.С. Братусь, А.С. Горбатенко, Б.Ф. Ломов, А.О. Прохоров и др.).

Двухфакторная модель функционирования сознания отчетливо обнаруживается также в «энергетической» теории Бехтерева. Психика (скрытая энергия по Бехтереву) и ее различные уровни сопоставимы с фактором свободы (творчество, созидание). У Бехтерева встречается словосочетание «свободная энергия». Фактор контактов (информационно-содержательный аспект) может быть соотнесен с двумя моментами в концепции Бехтерева: а) энергия определенным образом структурирована и содержит в себе не только силовой, но и информационный потенциал; б) препятствие как объект прохождения энергии в силу своего определенного устройства (структуры) определяет специфику явлений сознания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.